

БОЛГАРСКИЕ СОЛДАТЫ ВО ВРЕМЯ БАЛКАНСКИХ ВОЙН ГЛАЗАМИ РУССКИХ ОЧЕВИДЦЕВ

Н. С. Гусев

Гусев, Н. С. Болгарските войници от Балканските войни през погледа на руски очевидци
Русия следи събитията на Балканите през 1912–1913 г. В руското обществено мнение образът на българския войник е героичен – той се бие до последно и безропотно търпи всевъзможни лишения. Характерът на българина обаче в руските представи е друг: трудолюбив и спокоен. Причините за промените в поведението на българите според руските очевидци са стремежът за отмъщение на турците и за реализиране на идеала за «Сан-Стефанска България».

Ключови думи: Балканските войни, България, Русия, войници, обществено мнение.

Гусев, Н. С. Болгарские солдаты во время Балканских войн глазами русских очевидцев
Россия следила за событиями на Балканах 1912–1913 гг. В русском общественном мнении образ болгарского солдата был героическим – тот дрался до последнего и безропотно переносил лишения. Однако характер болгар в русском восприятии был иной: трудолюбивый и спокойный. Русские очевидцы причинами изменений в поведении болгар видели месть туркам и стремление к реализации Сан-Стефанского идеала.

Ключевые слова: Балканские войны, Болгария, Россия, солдаты, общественное мнение.

Gusev, N. S. Bulgarian soldiers during the Balkan wars through the eyes of the Russian witnesses
Russia followed the events of 1912-1913 in the Balkans. According to Russian public opinion, the image of the Bulgarian soldier was heroic – he fought to the finish and resignedly endured hardships. However, the character of the Bulgarians in the Russian perception was different: hardworking and composed and well-balanced. Russian witnesses saw the causes of the Bulgarian's behavior changes in revenge of the Turkish enemies and the desideration of implementation of San-Stefano ideal.

Keywords: The Balkan wars, Bulgaria, Russia, soldiers, public opinion.

В 1912 г. после заключения союзного договора с Сербией, затем – с Грецией, и устного соглашения с Черногорией България встъпила в войну с Османской империей. Целю войны было объявлено улучшение положения жителей Македонии; фактически же страны-участницы Балканского союза намеревались разделить между собой европейские земли Турции.

Основная тяжесть войны легла на плечи солдат. Русское общество интересовалось их поведением и успехами. Следуя в фарватере т.н. социологического номинализма, вслед за Н. И. Кареевым и М. Вебером, мы представляем общество как совокупность индивидов, а общественное мнение – как совокупность мнений индивидов¹. Исходя из этого постулата, попытаемся описать, каким же предстал в глазах русского общества болгарский солдат во время Балканских войн.

«По общим отзывам, болгары проявляли изумительное мужество. Бестрепетно шли они в штыковые атаки под сплошной шрапнелью, усеивая путь мертвыми телами... Ими руководит такое воодушевление и такое презрение к опасности, которое почти гипнотизирует, вперед морально поработает»², – писал «Нижегородский церковно-общественный вестник». В своем анализе военных действий полковник Александр Дорошкевич восхищался: «болгары умирали на своих позициях, но не уступали их туркам»³. В 1913 г. в Петербурге стала издаваться серия брошюр, посвященная «замечательным подвигам балканских юнаков 1912 года». Небольшие, ценою в 5 копеек, сборники коротких рассказов состояли из патетических зарисовок, создающих героический образ болгарского солдата. Самая первая история – «С ружьем в руках» – состоит из 12 строк и задает тон всей остальной брошюре. В ней рассказывается об умирающем от ранения на позиции болгарине, говорящем своему товарищу: «Скажи нашим в селе, Маше, что я пал..., но с ружьем в руках»⁴.

Однако этому героическому образу не соответствовали бытовые условия болгарских воинов. Священник Иван Дочев, сопровождавший боевые части, записал в своем дневнике: «За домом, за плетнем – вот нужник. И свиньи выполняют санитарную службу»⁵. Русские журналисты не рассказывали о таких подробностях быта, но и не рисовали его

радужными красками. Так, сообщал военный корреспондент капитан Н. Мамонтов, что под Чатагджой, несмотря на сырые и холодные ночи, подстилок не было, одеял было недостаточно, а возможность переменить мокрое белье и вовсе отсутствовала⁶. «Голодные, холодные, в грязи, совсем из сил выбились», – жаловался солдат корреспонденту «Киевской мысли» Л. Д. Троцкому⁷. Очевидец, писатель Евгений Чириков, в Лозенграде (ныне – Кырларели) слышал от солдат: «мы давно уже ничего кроме воды и хлеба не знаем... И больше нам ничего не нужно». И лишь к предложению папирос они отнеслись менее равнодушно: «в глазах их сверкает удовольствие: давно уже не курили настоящих папирос», – отметил в книге писатель⁸. Корреспондент русской газеты, капитан Николай Мамонтов, восхищался терпеливостью болгарского солдата. Корреспондент писал: «Я видел его неоднократно безропотно умирающим на позиции или в полевом госпитале, молчаливо переносящим адскую пытку перевозки на тряских телегах по грязным, изрытым колеями проселкам или терпеливо бредущим с раздробленной ногой целых четыре версты до перевязочного пункта»⁹.

Другой офицер, в тот момент бывший корреспондентом на Балканах, Николай Гасфельд, наблюдал раненых артиллерийским и ружейным огнем в голову и грудь, контуженных, которые рвались обратно в бой, на линию огня¹⁰. Солдаты возмущались, что их выносят с поля боя: «Почему меня несут на носилках? Я и так дойду. Стоит ли ради меня двух человек вызывать из строя»¹¹. Ради скорости переброски войск по железной дороге задерживали поезда с ранеными¹². Корреспондент «Нового времени», доктор международного права Александр Пиленко, объяснял это тем воинственным настроением, которое царило среди болгар: «Тот, кто заболел – почти что подлец, потому что он не может исполнять своего служебного воинского долга. Тот, кто ранен – вернее всего недогадливый вахлак; иначе он бы устроился так, чтобы не попасть под турецкую пулю»¹³. Соглашались с этим и получившие увечья, говоря другому русскому писателю, отправившемуся в качестве корреспондента «Русского слова» на Балканы – Василию Немировичу-Данченко: «Так надо, войны мы все хотели. Там, где есть победы, неизбежны и жертвы»¹⁴. Е. Н. Чириков отметил, что сослуживцы с презрением говорили о солдате, у которого случился нервный срыв, вылившийся в фобию открытого пространства: «Испугался пустого поля! Э, слабый! На печке сидеть...»¹⁵. Доброволец Владимир Везенков, служивший в Македонско-Одринском ополчении, в своих впечатлениях от войны поведал читателям, что отряды этого войскового соединения в тяжелой ситуации решили погибнуть, но не попасть в руки туркам. Так и поступил поручик Бояджиев, передав однополчанам перед тем, как пустить себе пулю в лоб, деньги «на помин души»¹⁶.

По сообщениям русской печати, кончали жизнь самоубийством в странах Балканского союза и по другим причинным. Журнал «Вестник Европы» рассказывал своим читателям: «под впечатлением всеобщего воодушевления старый майор Косачевич, участник войны 1876 г., покончил с собой из-за сознания, что физическая немощь не позволяет ему принять участие в войне. «Умираю спокойно, писал он в предсмертном письме. – Да здравствует сербо-болгарское братство»¹⁷. Писатель В. И. Немирович-Данченко также свидетельствовал о нескольких случаях самоубийств болгар, не взятых в армию по состоянию здоровья¹⁸, а корреспондент «Нового времени» Иероним Табурно – об аналогичных эпизодах в сербском войске¹⁹.

Не только мужчины были охвачены воодушевлением от начала открытой борьбы с Турцией. Журнал «Нива» поместил фотографию «болгарской героини» Ионки Марковой со следующей подписью: «Шестидесятилетняя старуха, родилась в деревне Бойници Видинского округа. Одевается по-мужски, принимала живое участие в сербско-болгарской войне 1885 г. Теперь в качестве волонтерки пошла на поле брани»²⁰. Очевидцы передавали русскому обществу слышанные ими от женщин слова: «Возьму и я пушку... (пер. с болг. – ружье. – Н.Г.). Моя бабка с турками дралась, а я несколько ее не хуже»²¹. Таким образом, желание сразиться с турками было велико, и поэтому во время мобилизации «запасные стекались на призывные участки как на свадьбу»²².

Кто же служил в этой героической армии? На этот вопрос емко и точно ответил Лев Троцкий, бывший корреспондентом «Киевской мысли» на Балканах: «Здесь мобилизованная армия есть действительно народ»²³. Сообщения других русских изданий этим словам не противоречили, а лишь их подтверждали, поэтому не будем останавливаться на этом вопросе.

Итак, как видим, русская пресса рисовала картину героической народной армии. Но сам народ представлялся ли героическим, воинственным, подобным существовавшему образу черногорца?

Здесь мы вступаем в область имагологии, и следует сделать несколько пояснений. Согласно зарубежному исследователю Дж. Леерсену, выделение культурных различий находится в связи с идеей о наличии у народов своих особых характеров²⁴. Российский историк М. В. Лескинен указывает, что во второй половине XIX в. (а 1912–1913 гг. – часть долгого XIX века) «идея «врожденности» нрава и его генетической обусловленности обосновывали «нрав народа» в качестве этномаркирующего признака, общего для всех членов этнического коллектива»²⁵.

Каким же был так называемый нрав болгарского народа?

Болгары и их порядки казались русскому человеку довольно патриархальными. В одном из госпиталей раненый болгарский кавалерист влюбился в ухаживавшую за ним сестру русского Красного Креста и предложил ей выйти замуж. Виктория, ученица балетной школы из Таганрога, ему ответила: «Я знаю, что вы, болгары, деспоты. Жена для вас только объект плотских удовольствий. У вас к ней одинаковое отношение с турками... Из-за увлечения тобой я должна проститься с самой священной моей мечтой – балетным искусством... Выйти замуж за тебя значит рожать тебе детей, готовить, стирать, стать настоящей рабыней. Пфу! Какая отвратительная перспектива»²⁶.

Характерной чертой болгар русским казалось их миролюбие. В вышедшей в Ярославле уже в начале Первой мировой войны брошюре утверждалось: «С внешней стороны болгарин производит впечатление человека спокойного, но при более близком знакомстве легко заметить, что под этим покровом таится страстный темперамент и вспыльчивый характер. Болгары в высшей степени трудолюбивы и в противоположность братьям-черногорцам – миролюбивы. Из всех славянских народов болгары – самый тихий, мирный и трудолюбивый народ»²⁷. Схожих взглядов придерживался В. И. Немирович-Данченко: «Болгарин весь ушел внутрь себя. Он молча растит энергию, копит ее для решительного удара. У него уста сомкнуты, но глаза сверкают мрачным огнем»²⁸. Е. Н. Чириков, считал, что болгары «энергичны, настойчивы, с непочатым запасом волевой энергии. Во многом напоминают наших финляндцев, только темпераментнее их и жизнерадостнее»²⁹. Ему же один из воинов говорил: «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен... Он – сын земли, по преимуществу, и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша церковь играла всегда больше роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную... Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много...»³⁰.

Эта, если можно так выразиться, хозяйственность находила свое выражение и на фронте. Одному оставшемуся на поле боя солдату царя Фердинанда турки отрезали ухо, ударили кинжалом в бедро. Тот, притворившись мертвым, позже вернулся и, как рачительный хозяин, принес шинель обратно³¹. Сопровождавший русского корреспондента возница рассказал ему еще одну показательную историю: «Проезжавший крестьянин поднял гранату и, прельстясь медной гильзой ее, стал освобождать ее от ядра. Делал он это самым простым способом: об дерево... Последовал взрыв и крестьянина убило на месте»³².

Но иногда черты трудолюбия, хозяйственности и трезвого расчета преподносились русскому обществу в черном цвете: «Он (болгарин. – Н.Г.) не привык думать о другом, как о личности, интересоваться другим ради этого же другого. Выходит человек из строя – и он уже не нужен. Перестает человек, хотя бы на время, быть объектом практического интереса – и он сразу исчезает из поля зрения. Практическая полезность – вот мерило, с которым болгарин привык подходить к явлениям жизни. А политическая жизнь, с ее стамбуловскими традициями, только укрепила это упрощенное мировоззрение»³³, – писал социалист Станислав Вольский (настоящее имя – А. В. Соколов). Полковник Владимир фон Дрейер, бывший на Балканах корреспондентом, считал, что громкие победы сделали болгар «еще более (курсив наш. – Н.Г.) жадными, нетерпимыми к чужому мнению»³⁴. Просербски настроенный журналист, незадолго до этого вышедший на пенсию генерал-лейтенант Евгений Мартынов, считал: «Болгары – смесь монгол-завоевателей с покоренными славянскими племенами, отличаются наоборот холодной расчетливостью, корыстолюбием, заносчивостью»³⁵.

Надо отметить, что, как выразился Н. С. Державин, «странная, ничем не объяснимая и непонятная тенденция приписывать нынешним болгарам монгольское происхождение»³⁶ в тот момент активно использовалась сторонниками Белграда.

Так почему же этот мирный, на чей-то взгляд – расчетливый, народ так изменился, надев военную форму и отправившись на фронт?

Советский исследователь В. А. Жебокрицкий считал, что народом двигало желание освободить собрата-крестьянина от феодалов, и это использовали «националистические, шовинистические партии для пропаганды войны»³⁷.

Современный болгарский историк С. Елдаров такое поведение объясняет следующим: «Эта глубоко укорененная в душе болгарина потребность трудиться заставляет солдата смотреть на саму войну как на некую форму труда – поистине жестокого, смертельно опасного и нечеловеческого, но все же форму труда»³⁸. Эти слова, на наш взгляд, объясняют многое, но далеко не все. Пример тому – ожесточенное отношение к противнику, как во время Первой, так и во время Второй Балканских войн.

Современная событиями пресса и очевидцы-журналисты видели два других основных мотива таких превращений. Обратимся к ним. Первый – месть. «Страшна... месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения»³⁹, – записал штабс-капитан Н. П. Мамонтов. «Ненависть к «турчину», целыми столетиями копившаяся, целыми столетиями поддерживаемая, вспыхнула таким ярким пламенем, что в ней без остатка сгорели торжественно-красивые настроения первых дней войны», – считал вышеупомянутый Ст. Вольский. Далее он продолжил: «Традиции быта и воспитывавшаяся в школе и семье ненависть к турку сделали свое дело: алчность хозяйственного мужичка и жажда мести слились воедино и сняли слабый культурный налет, и превратили человека в разнузданного зверя». В этой же статье дается и хлесткое определение происходившего: «Это было оргией неудержимой в своей жестокости мести»⁴⁰.

Е. Н. Чириков был склонен видеть именно этот мотив. Ему сами болгары рассказывали: «Ведь помимо исторической вражды, успевшей всосаться в плоть и кровь с материнским молоком, наши дети со школьной скамьи в течение долгих лет уже воспитывались на мечте об окончательном счете с вековечным врагом, а в нашей солдатской памятке на первом месте значится: Кто твой первый враг? – Турок!»⁴¹. Писателю казалось, что «новые песни все – воинственно-патриотического характера, звучат бодро, призывно и полны надежд на последнюю месть туркам, ныне наступившую»⁴². В заключении своей книги он взялся объяснить негуманные взаимоотношения противников и союзников следующим образом: «Объяснения этой обоюдной жестокости в глубине исторического процесса, в дикости, жестокости и религиозном фанатизме недавнего господина с одной стороны и в долго скапливавшейся и прорвавшейся, наконец, мстительной энергии бывшего раба, который сам захотел быть господином и склонен проявлять это тою же монетой»⁴³. В. И. Немирович-Данченко этот мотив поведения выразил так: «Народ не только не умеет, он не может прощать»⁴⁴.

Второй мотив: «Великая идея».

Журнал «Заветы» сообщал своему читателю, что за время, прошедшее с освобождения страны, болгарин изменился мало. За одним исключением: «Он успел проникнуться национальной идеей. Он идет умирать, не задумываясь, он отдает в жертву «Великой Болгарии» себя и своих детей»⁴⁵.

Н. С. Державин, будущий советский академик, в просветительской брошюре времени Балканских войн выразил свою точку зрения: «Идея культурно-национально-политического объединения болгарского народа – вот та идея, которой Болгария обязана своим возрождением, своею политической свободой, успехами культурного развития, своими, наконец, блестящими победами»⁴⁶.

В Сербии каждый солдат из крестьян знал, за что он сражается. Еще когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: «Здравствуй маленький мститель за Косово»⁴⁷. В Болгарии же «каждый ученик знал о страшной неправде, совершенной в Берлине в 1878 г.», и обучение в армии штыковому бою происходило на чучелах в турецкой униформе⁴⁸.

Известно, что главной частью Великой Болгарии, «священной коровы» болгарского патриотизма⁴⁹, была Македония. В госпитале раненые болгары говорили Л. Д. Троцкому: «Даст Бог, жив и здоров буду, опять пойду турок бить. Довольно им умереть в Македо-

нии»⁵⁰. Служившие в ополчении старики ему высказывались в том духе, что, несмотря на их собственную смерть, «детям будет хорошо жить, когда не будет турок»⁵¹. В. С. Везенков в Софии встретил газетчика, ему заявившего: «Довольно работал на себя! Теперь поработаю для наших македонских братьев!.. Наконец-то пришел и этот день!»⁵².

Русские журналисты отмечали значимость темы «Великой Болгарии» и в болгарском искусстве. Владимир Викторов-Топоров видел основу успеха театральных постановок у публики в «воинствующем национализме и, в связи с этим, идеализацией туманных дебрей болгарской истории»⁵³. Он же в журнале «Русская мысль» говорил о полумистическом отношении болгар к Македонии и выразил свое впечатление от «нрава» болгарина: «Тот может оставаться равнодушным, слушающая, как при нем говорят о вопросах мирового значения... Но стоит напомнить ему о том, что происходит за южной границей болгарского государства... стоит намекнуть на Македонию, на Царьград, напомнить длинные века византийского и турецкого рабства, – и самый хладнокровный болгарин проявит свою горячность, свой во всех других случаях жизни глубоко скрытый темперамент»⁵⁴.

Как известно, Македония входила в границы и других Великих проектов: Великой Сербии, Мегали Идеи и даже Великой Албании. В этом месте пересечения национальных притязаний и разразилась Междусоюзническая война. В. Н. фон Дрейер считал, что «просто крестьянину, не зараженному подобно горожанину политикой, чужда и непонятна была эта надвигающаяся братоубийственная резня»⁵⁵, хотя, как нам кажется, тут произошло экстраполирование русских реалий на болгарские.

Подтверждением вышесказанному служит и та жестокость, которая была проявлена ко вчерашним союзникам. Н. С. Державин оправдывал это следующим: «Болгария, счастливая сознанием предстоящей близости реального осуществления своей мечты, силою сложившихся обстоятельств оказалась вдруг лишеною всего, что в течение целого столетия было для нее наиболее дорогим в ее жизни. И это не слова, это действительный факт, факт очень хорошо, впрочем, знакомый всем, кто ближе присматривался к болгарской жизни... кто видел, например, эти многотысячные толпы македонских беглецов, из года в год периодически наводнявших собою болгарские города, ища здесь защиты и спасения, или кто лично был свидетелем, как вполне нормальная болгарская жизнь вдруг выбивалась из колеи при малейшем эксцессе со стороны турецкого режима в несчастной Македонии»⁵⁶.

Итак, в русском общественном мнении был создан героический образ болгарского солдата, который дрался до последнего и безропотно переносил лишения войны. Характер же простых болгар в русском восприятии был иной: трудо- и миролюбивый. Причинами самоотверженного поведения на фронте виделись месть туркам и стремление к реализации Сан-Стефанского идеала.

Недаром корреспонденту В. Водовозову, не единожды посещавшему беспокойный полуостров, после Балканских войн казалось, что «вся Болгария дышит мыслью о реванше»⁵⁷. Через два года реванш наступит. Здесь вновь будет и месть сербам за унижение, и желание создания Великой, Сан-Стефанской Болгарии. Страну постигнет вторая национальная катастрофа, приведшая к очередным безрезультатным территориальным, материальным и людским потерям.

¹ Семенов, Ю. И. Общество как целостная система // Социальная философия / Под ред. И. А. Гобозова. М., 2003, с. 62.

² Нижегородский церковно-общественный вестник, 1912, 4 ноября.

³ Дорошкевич, А. Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913, с. 51.

⁴ Бахметев, П. Балканские герои. СПб., 1913, с. 1.

⁵ Дочев, И. Записките ми по войната 1912 година. София, 2012, с. 89.

⁶ Мамонтов, Н. П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913, с. 155.

⁷ Троцкий, Л. Д. Сочинения. Т. 6. М.–Л., 1926, с. 183.

⁸ Чириков, Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913, с. 77.

⁹ Мамонтов, Н. П. Указ. соч., с. 72.

¹⁰ Шевалье, Н. Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб., 1913, с. 31.

¹¹ Мамонтов, Н. П. Указ. соч., с. 72.

¹² Шевалье, Н. Указ. соч., с. 35.

¹³ Пиленко, А. А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913, с. 198.

- ¹⁴ *Немирович-Данченко, В. И.* Собрание сочинений. Т. 15. СПб., 1913, с. 210.
- ¹⁵ *Чириков, Е. Н.* Указ. соч., с. 56.
- ¹⁶ *Везенков, В. С.* Энвер-бей под Шаркием // Военный сборник. – 1914. – № 7. – С. 97–98.
- ¹⁷ Вестник Европы. – 1913. – № 1. – С. 353.
- ¹⁸ *Немирович-Данченко, В. И.* Собрание сочинений. Т. 14. СПб., 1913, с. 20.
- ¹⁹ *Табурно, И. П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913, с. 23.
- ²⁰ Нива. – 1912. – № 50. – С. 1021.
- ²¹ *Немирович-Данченко, В. И.* Собрание сочинений. Т. 14. СПб., 1913, с. 15.
- ²² Родина. – 1912. – № 41.
- ²³ *Троцкий, Л. Д.* Указ. соч., с. 143.
- ²⁴ *Leerssen, J.* Imagology: History and method. – URL: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf>. (Дата обращения: 06.01.2014).
- ²⁵ *Лескинен, М. В.* Изображение «другого» в российской науке второй половины XIX в. // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011, с. 29.
- ²⁶ *Карчев, П.* През прозорца на едно полустолетие (1900–1950). София, 2004, с. 315–317.
- ²⁷ *Картов, С.* Болгария и последние Балканские войны. Ярославль, 1914, с. 5–6.
- ²⁸ *Немирович-Данченко, В. И.* Собрание сочинений. Т. 14. СПб., 1913, с. 21.
- ²⁹ *Чириков, Е. Н.* Указ. соч., с. 53.
- ³⁰ Там же, с. 78–79.
- ³¹ *Пиленко, А. А.* Указ. соч., с. 39.
- ³² *Чириков, Е. Н.* Указ. соч., с. 101.
- ³³ Заветы. – 1913. – № 2. – С. 173.
- ³⁴ *Фон Дрейер, В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. С 11 схемами в приложении, схемой и таблицей в тексте и 22 фотографиями. Издание второе. СПб., 1914, с. 5.
- ³⁵ *Мартынов, Е. И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913, с. 80.
- ³⁶ *Державин, Н. С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914, с. 112.
- ³⁷ *Жебокрицкий, В. А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960, с. 203–204.
- ³⁸ Цит. по: *Гришина, Р. П.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия / Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин // Новая и новейшая история. – 2013. – № 4. – С. 128.
- ³⁹ *Мамонтов, Н. П.* Указ. соч., с. 66.
- ⁴⁰ Заветы. – 1913. – № 2. – С. 168.
- ⁴¹ *Чириков, Е. Н.* Указ. соч., с. 59.
- ⁴² Там же, с. 93.
- ⁴³ Там же, с. 140.
- ⁴⁴ *Немирович-Данченко, В. И.* Собрание сочинений. Т. 15. СПб., 1913, с. 108.
- ⁴⁵ Заветы. – 1913. – № 2. – С. 173.
- ⁴⁶ *Державин, Н. С.* Указ. соч., с. 8.
- ⁴⁷ *Вишняков, Я. В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012, с. 101.
- ⁴⁸ *Димитров, Б.* Истинската история на Балканската война. София, 2007, с. 27.
- ⁴⁹ Термин, предложенный болгарским историком И. Илчевым. См.: *Гришина Р. П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусой по пересеченной местности). М., 2008, с. 246.
- ⁵⁰ *Троцкий, Л. Д.* Указ. соч., с. 183.
- ⁵¹ Там же, с. 93.
- ⁵² *Везенков, В.* Македония и причины Балканской войны. М., [1912?], с. 95.
- ⁵³ Русская мысль. – 1913. – № 5. – С. 3
- ⁵⁴ Там же, с. 4.
- ⁵⁵ *Дрейер, В. Н.* Указ. соч., с. 10.
- ⁵⁶ *Державин, Н. С.* Указ. соч., с. 8–9.
- ⁵⁷ Современник. – 1913. – № 8. – С. 313.